

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

1915–1980

советский писатель,
лауреат Государственной премии СССР

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ (из поэмы)

На голубом и мокроватом
Чудском потрескивавшем льду
В шесть тыщ семьсот пятидесятом
От сотворения году,

В субботу, пятого апреля,
Сырой рассветною порой
Передовые рассмотрели
Идущих немцев темный строй.

На шапках — перья птиц веселых,
На шлемах — конские хвосты.
Над ними на древках тяжелых
Качались черные кресты.

Оруженосцы сзади гордо
Везли фамильные щиты,
На них гербов медвежьей морды,
Оружье, башни и цветы.

Все было дьявольски красиво,
Как будто эти господа,
Уже сломивши нашу силу,
Гулять отправились сюда.

Ну что ж, сведем полки с полками,
Довольно с нас посольств, измен,
Ошую нас Вороний Камень
И одесную нас Узмень.

Под нами лед, над нами небо,
За нами наши города,
Ни леса, ни земли, ни хлеба
Не взять вам больше никогда.

Всю ночь, треща смолой, горели
За нами красные костры,
Мы перед боем руки грели,
Чтоб не скользили топоры.

Углом вперед, от всех особо,
Одеты в шубы, в армяки,
Стояли темные от злобы
Псковские пешие полки.

Их немцы доняли железом,
Угнали их детей и жен,
Их двор пограблен, скот порезан,
Посев потоптан, дом сожжен.

Их князь поставил в середину,
Чтоб первый приняли напор, —
Надежен в черную годину
Мужицкий кованый топор!

Князь перед русскими полками
Коня с разлета повернул,
Закованными в сталь руками
Под облака сердито ткнул.

«Пусть с немцами нас Бог рассудит
Без проволочек тут, на льду,
При нас мечи, и, будь что будет,
Поможем Божьему суду!»

Князь поскакал к прибрежным скалам
На них вскарабкавшись с трудом,
Высокий выступ отыскал он,
Откуда видно все кругом.

И оглянулся. Где-то сзади,
Среди деревьев и камней,
Его полки стоят в засаде,
Держа на привязи коней.

А впереди, по звонким льдинам
Гремя тяжелой чешуей,
Ливонцы едут грозным клином —
Свиной железной головой.

Был первый натиск немцев страшен.
В пехоту русскую углом

Двумя рядами конных башен
Они врубались напролом.

Как в бурю гневные барашки,
Среди немецких шишаков
Мелькали белые рубашки,
Бараньи шапки мужиков.

В рубахах стиранных нательных,
Тулупы на землю швырнув,
Они бросались в бой смертельный,
Широко ворот распахнув.

Так легче бить врага с размаху,
А коли надо умирать,
Так лучше чистую рубаху
Своею кровью замарать.

Они с открытыми глазами
На немцев голой грудью шли,
До кости пальцы разрезая,
Склоняли копья до земли.

И там, где копья пригибались,
Они в отчаянной резне
Сквозь строй немецкий прорубались
Плечом к плечу, спиной к спине.

Онцыфор в глубь рядов пробился,
С помятой шеей и ребром,
Вертясь и прыгая, рубился
Большим тяжелым топором.

Семь раз топор его поднялся,
Семь раз коробилась броня,
Семь раз ливонец наклонялся
И с лязгом рушился с коня.

С восьмым, последним по зароку,
Онцыфор стал лицом к лицу,
Когда его девятый сбоку
Мечом ударил по крестцу.

Онцыфор молча обернулся,
С трудом собрал остаток сил,
На немца рыжего рванулся
И топором его скосил.

Они свалились наземь рядом
И долго дрались в толкотне.
Онцыфор помутневшим взглядом
Заметил щель в его броне.

С ладони кожу обдирая,
Пролез он всею пятерней
Туда, где шлем немецкий краем
Неплотно сцеплен был с броней.

И, при последнем издыханье,
Он в пальцах, жестких и худых,
Смертельно стиснул на прощанье
Мясистый рыцарский кадык.

Уже смешались люди, кони,
Мечи, секиры, топоры,
А князь по-прежнему спокойно
Следил за битвою с горы.

Лицо замерзло, как нарочно,
Он шлем к уздечке пристегнул
И шапку с волчьей оторочкой
На лоб и уши натянул.

Его дружинники скучали,
Топтались кони, тлел костер.
Бояре старые ворчали:
«Иль меч у князя не остер?»

Не так дрались отцы и деды
За свой удел, за город свой.
Бросались в бой, ища победы,
Рискуя княжьей головой!»

Князь молча слушал разговоры,
Насупясь на коне сидел,
Сегодня он спасал не город,
Не вотчину, не свой удел.

Сегодня силой всенародной
Он путь ливонцам закрывал,
И тот, кто рисковал сегодня,—
Тот всею Русью рисковал.

Пускай бояре брешут дружно —
Он видел все, он твердо знал,

Когда полкам засадным нужно
Подать условленный сигнал.

И, только выждав, чтоб ливонцы,
Смешав ряды, втянулись в бой,
Он, полыхнув мечом на солнце,
Повел дружину за собой.

Подняв мечи из русской стали,
Нагнув копейные древки,
Из леса с криком вылетали
Новгородские полки.

По льду летели с лязгом, с громом,
К мохнатым гривам наклонясь;
И первым на коне огромном
В немецкий строй врубился князь.

И, отступая перед князем,
Бросая копья и щиты,
С коней валились немцы наземь,
Воздев железные кресты.

Гнедые кони горячились,
Из-под копыт вздымали прах,
Тела по снегу волочились,
Завязнув в узких стремянах.

Стоял суровый беспорядок
Железа, крови и воды.
На месте рыцарских отрядов
Легли кровавые следы.

Одни лежали, захлебнувшись
В кровавой ледяной воде,
Другие мчались прочь, пригнувшись,
Трусливо шпоря лошадей.

Под ними лошади тонули,
Под ними дыбом лед вставал,
Их стремяна на дно тянули,
Им панцирь выплыть не давал.

Брело под взглядами косыми
Немало пойманных господ,
Впервые пятками босыми
Прилежно шлепая об лед.

И князь, едва остыв от свалки,
Из-под руки уже следил,
Как беглецов остаток жалкий
К ливонским землям уходил.

.....

Сейчас, когда за школьной партой
«Майн Кампф» зубрят ученики
И наци пальцами по картам
Россию делят на куски.

Мы им напомним по порядку —
Сначала грозный день, когда
Семь верст ливонцы без оглядки
Бежали прочь с Чудского льда.

Потом напомним день паденья
Последних орденских знамен,
Когда отдавший все владенья
Был Русью Орден упразднен.

Напомним памятную дату,
Когда Берлин дрожмя дрожал,
Когда от русского солдата
Великий Фридрих вспять бежал.

Напомним им по старым картам
Места, где смерть свою нашли
Пруссаки, вместе с Бонапартом
Искавшие чужой земли.

Напомним, чтоб не забывали,
Как на ноябрьском холоду
Мы прочь штыками выбивали
Их в восемнадцатом году.

За годом год перелистаем.
Не раз, не два за семь веков;
Оружьем новеньким блистая,
К нам шли ряды чужих полков.

Но, прошлый опыт повторяя,
Они бежали с русских нив,
Оружье на пути теряя
И мертвецов не схоронив.

В своих музеях мы скопили
За много битв, за семь веков
Ряды покрытых старой пылью
Чужих штандартов и значков.

Как мы уже тогда их били,
Пусть вспомнят эти господа,
А мы сейчас сильнее, чем были.
И будет грозен час, когда,

Не забывая, не прощая,
Одним движением вперед,
Свою отчизну защищая,
Пойдет разгневанный народ.

Когда-нибудь, сойдясь с друзьями,
Мы вспомним через много лет,
Что в землю врезан был краями
Жестокий гусеничный след,

Что мял хлеба сапог солдата,
Что нам навстречу шла война,
Что к западу от нас когда-то
Была фашистская страна.

Настанет день, когда свободу
Завоевавшему в бою,
Фашизм стряхнувшему народу
Мы руку подадим свою.

В тот день под радостные клики
Мы будем славить всей страной
Освобожденный и великий
Народ Германии родной.

Мы верим в это, так и будет,
Не нынче-завтра грохнет бой,
Не нынче-завтра нас разбудит
Горнист военною трубой.

«И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей».

1937